

УДК 821.161.1

Д.Д. ПОПОВА

(*darja.popova202020@gmail.com*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

«НАШИ» С. ДОВЛАТОВА И «СВОИ» С. ШАРГУНОВА: ДИАЛОГ АВТОРОВ*

Современный русский писатель С.А. Шаргунов, проза которого в первые годы XXI столетия развивается в русле «нового» реализма, следуя литературным традициям предшественников, активно обновляет их, допуская в организации своего повествования взаимодействие с творческим наследием авторов постмодернистского направления.

Ключевые слова: авторская позиция, заглавие произведения, постмодернизм, «новый» реализм, я-повествование, языковая игра.

В современной русской прозе наблюдаются различные формы взаимодействия реалистических традиций с элементами постмодернистского письма. Не случайно «напрашивается» сопоставление сборника повестей и рассказов С. Шаргунова «Свои» (2018) со сборником рассказов С. Довлатова «Наши» (1983). Оба художника настаивают на таком взаимодействии: писательская манера С. Довлатова «внешне не выходя за пределы реалистического жизнеподобия, обнажает именно литературную сторону жизни – неосознанно следуя постмодернистскому принципу “мир как текст”» [13, с. 599], в то время, как «новый» реализм, допускающий использование приемов постмодернизма, – «визитная карточка» творчества С. Шаргунова, современного прозаика и журналиста. По мнению писательницы О. Славниковой, Сергей Шаргунов является «первым проявленным идеологом “поколения next”»: именно он «описал – приблизительно, очень и очень “около” – то отношение искусства к действительности, когда решается задача в одно действие: действительность идет в текст, умножаясь только на эмоцию автора» [12, с. 174]. С. Шаргунов – знаковая фигура течения «нового» реализма, его создатель, провозгласивший: «Реализм не исчерпывается. Реализм, нескончаемо обновляясь вместе с реальностью, остается волшебным молоком постмодернизма» [15, с. 181].

О близости поэтики С. Довлатова и С. Шаргунова свидетельствуют притяжательные местоимения, вынесенные в заглавия сборников «Наши» и «Свои», которые сближают авторские позиции создателей произведений, в сложное время стремящихся решить для себя проблему мировоззренческой самоидентификации, определения своего «лагеря» близких по духу людей. Таким образом, сборники «Наши» и «Свои» сближает и «я-повествование»: автор-повествователь выступает здесь под собственным именем и ведет рассказ от первого лица, при этом «на документальной достоверности рассказываемого» не настаивает, оставляя читателю возможность самому выбрать стратегию толкования» [5, с. 4]. При этом Сергей Довлатов в сборнике «Наши» восстанавливает вполне узнаваемую историю своих предков и эпизоды собственной жизни. Автор открывает свой сборник рассказом об истории рода («Наш прадед Моисей был крестьянином из деревни Сухово. Еврей-крестьянин – сочетание, надо отметить, довольно редкое» [1, с. 5]) и в заключении пишет: «Перед вами – история моего семейства. Надеюсь, она достаточно заурядна» [Там же, с. 153]. Так и в сборнике Сергея Шаргунова: сначала помещена повесть «Правда и ложка» – в основном, о предках героя, а затем – рассказы о нем самом, его близких, друзьях и всех тех, кто дорог автору.

Объединяющей особенностью рассматриваемых сборников является и присутствие характерной для постмодернизма языковой игры, которая без труда обнаруживается в произведениях С. Шаргунова, и творчество С. Довлатова позволяет рассматривать «как явление пограничное, объединяющее определенные особенности постмодернистской поэтики и традиции реалистического письма» [17, с. 5]. Согласно «Стилистическому энциклопедическому словарю русского языка» под редакцией М.Н. Ко-

* Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

жиной, языковая игра – это «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка <...> с целью создания неканонических языковых форм и структур. <...> Чаще всего связана с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать “свежий, новый образ”» [13, с. 657]. «Свежо» звучит в сборнике С. Шаргунова заглавие повести «Правда и ложка», преобразая абстрактное понятие из всем хорошо знакомого выражения в конкретную сюжетообразующую деталь – ложку. Так и в заглавии рассказа «Сахар на рану» есть игровое искажение словосочетания «сыпать соль на рану». Эти эксперименты с заглавиями и языковой игрой характерны не только для сборника «Свой», но и для более ранних произведений С. Шаргунова. Например, рассказ «Таланты и Поклонова» (2001), где Поклонова – фамилия героини, образованная от слова «поклонники» из привычного для нас выражения «таланты и поклонники» (отсылка к русской классике – «Таланты и поклонники» (1881) – пьеса А.Н. Островского, драматурга 1850–80-х годов, повлиявшего на становление русского национального театра). С.А. Шаргунов – из ряда тех современных прозаиков, которым «взаимодействие с постмодернистской эстетикой помогает создать образ меняющегося мира и неизменных начал человеческой души» [9, с. 23].

О связи с творчеством С. Довлатова открыто заявляет сам С. Шаргунов, написав в одном из рассказов своего сборника – «Сахар на рану» (2016) – следующее: «Говорят, Довлатова погубила здешняя скорая...» [16, с. 188]. Далее речь идёт о герое, однажды приехавшем в Нью-Йорк на деловую встречу. Он мучается от головной боли и высокой температуры, но в этой «свободной» стране ему даже за большие деньги не удаётся получить необходимую медицинскую помощь, потому что здесь господствует «радушная жестокость <...>, когда – сахар на рану» [Там же, с. 181]. Таким образом, «американская мечта» героя в реальности становится бредом в лихорадке, вот почему, оказавшись вне пределов Родины, он не находит себе места ни в Нью-Йорке, ни в самой жизни. С. Шаргунов словно подчёркивает неизменную сложность адаптации россиянина к заокеанской среде, в какие бы времена и какой бы привлекательной она ни казалась «из дома», напоминая: и у Сергея Довлатова в «Наших» мотив неприкаянности – один из главных: «Вряд ли я стану американским певцом, – звучит в одном из рассказов. – Или киноактером. Или торговцем наркотиками. <...> Кроме того, я по-прежнему не умею водить автомобиль. Не интересуюсь рок-музыкой. А главное – плохо знаю английский» [1, с. 156]. Так автобиографический герой Довлатова остаётся «неприкайнным» и потерянным в чужой стране. Мотив одиночества вне Родины впоследствии «подхватит» в своей чуткой писательской манере и Сергей Шаргунов в рассказе «Сахар на рану».

Вместе с тем, несмотря на жанрово-композиционное и повествовательное сходство, грамматическую и смысловую близость заглавий, стоит отметить, что в современном русском литературном языке значение слова «свой» имеет более многоплановый характер, чем «наш», что, очевидно, было учтено С.А. Шаргуновым, поскольку «свой» – это не только «имеющий отношение к себе; собственный, своеобразный, предназначенный именно для данного обстоятельства, предмета», но и «родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью» [8, с. 634].

Необходимо отметить: в центре внимания сборника С. Довлатова – семья и герои, принадлежащие к «нашим». В советское время выражение «из наших» применялось в качестве эвфемизма для обозначения лиц еврейской национальности (в «Словаре синонимов» под редакцией В.Н. Тришина: «Из наших – еврей» [14]), а тема судьбы евреев в творчестве С. Довлатова играет большую роль. Для С.А. Шаргунова, напротив, национальный признак не имеет значения: например, в сборник входит рассказ «Свой» – о военных действиях в Украине, в которых принимают участие русские и чеченцы, не обращая внимания на национальность, совместно выступая против новоявленных фашистов как герои нашего времени.

Возможно, С.А. Шаргунов избегает слова «наши» не только из-за семантических отличий, но и из-за смыслов, привнесённых в него 1990-ми: он не понаслышке знает и помнит о движении анти-демократической направленности «Наши», «созданном Александром Невзоровым и его сторонниками в 1991 году» [7]. Избранное С.А. Шаргуновым в качестве заглавия местоимение «свой» является нейтральным, не несёт «идеологических» оттенков звучания.

Определяя «своих», писатель руководствуется не политическими интересами и пристрастиями: в его «объектив» в первую очередь попадают творческие индивидуальности разных эпох: Александр Фадеев, Валентин Катаев, Михаил Шолохов, Иосиф Мандельштам, Макс Волошин, Максим Горький – эти и другие реальные исторические личности упоминаются в повести, будто «сопровождая» род Шаргуновых сквозь все перипетии истории XX в.

Один из наиболее ярких образов, который особенно выделяется самим С.А. Шаргуновым – образ Анастасии Цветаевой, сестры знаменитого русского поэта Марины Цветаевой. Анастасия Цветаева прошла долгий жизненный путь: без малого – сто лет (годы жизни – 1894–1993). Она была одарена литературным талантом, в котором сфокусировались все особенности ее натуры: глубокая религиозность и тяга к миру природы. Поэтому, замечает писатель, в ее стихах, в прозе и в самих поступках так много светлого и доброго: «Как-то на поселении в Сибири Анастасия Ивановна выхватила из кошачьих зубов полупридушенную мышь и долго выхаживала, <...> в другой раз в деревне она обнаружила во дворе крепко привязанную, дрожащую от зимнего холода и страшного предчувствия свинью, обреченную на утреннюю казнь, и всю ночь грела под своим пальто» [16, с. 78].

Рассказы сборника «Свои» посвящены не только родственникам и друзьям автобиографического героя, но и тем, с кем лично автор не знаком, но кого он с готовностью называет «своими», близкими. Это, например, депутат Дворцов, который случайно потерял пропуск в Госдуму (автор называет рассказ «Аусвайс» – калька с немецкого «документ») и страдает от того, что теперь не может защитить невинных людей. Это и «маленький» человек из «массовки» Игорь Анатольевич Тетерев, который в пылу политических дебатов на телевидении яростно протестует против очернительства времени своей молодости, за что изгоняется телевизионщиками, жаждущими изготовить из прошлого зрелищное «шоу», а не найти истину (рассказ «Человек из массовой»).

Особенного внимания достоин рассказ «Полоса», основанный на реальных событиях 2013 г. Здесь речь идёт о шестидесятилетнем пенсионере, бывшем начальнике аэропорта в далёкой тайге, в Коми. Алексей Петрович Соков, который в течение долгих лет продолжал ухаживать за недействующей взлетной полосой, имеет реальный прототип: это Сергей Сотников, благодаря которому в 2010 г. самолет Ту-154 сообщением «Полярный – Москва» совершил аварийную посадку на заброшенной таёжной полосе бывшего аэропорта «Ижма». Сюжет произведения не просто пересказ нашумевшей истории, а глубокое проникновение во внутренний мир человека долга и чести, вся жизнь которого принадлежит людям. Это и напоминание всем нам: даже там, в незнакомой заснеженной тайге, живут «свои» люди, которые могут помочь в трудной ситуации, независимо от государственного строя и обстоятельств собственной судьбы.

Знаковым для всего сборника «Свой» становится одноименный рассказ, где аккумулируется идея всеобщего братства искренних и честных людей, препятствующая «делению» человеческого сообщества по национальному, политическому или любому другому признаку. Молодой человек по имени Илья приезжает в Украину в разгар гражданской войны 2014 г., где он, «москаль», оказывается в одном КамАЗе с чеченцами из-под Харькова, и сейчас они – заодно. Илья – самый молодой в этой компании, приехал из Москвы, потому что «так хотелось прорваться через линзу телевизора» [16, с. 305], чтобы самому понять, что такое новоявленный фашизм украинских националистов. При выборе кодового имени он сначала называет себя «любой»: «Да, я любой, – сказал Илья раздельно. – На моем месте мог быть любой... Любой русский человек» [Там же, с. 312]. Автор словно «играет» словами, но сознательно выбирает те, что отчётливее отразят трагическую обстановку: «– Теперь ты Любой. <...> – Почти любовь» [Там же, с. 306]. А вот когда начинаются непосредственные боевые действия, расстановка акцентов меняется: в ходе «боевого крещения» Илье не хочется откликаться на «Любого», он вдруг понимает, что он – «Свой», успевая сообщить другу: «Я – свой! Свой я!» [Там же, с. 313]. Важно, что в военной терминологии оппозиция «свой» – «чужой» имеет большое значение: существует целый комплекс техники ПВО, «общевойсковой государственной системы радиолокационного опознавания “свой-чужой”» [2], который позволяет ракетам отличать «свои» боевые единицы

от вражеских. Крик: «Свой я!» – становится последним в судьбе главного героя анализируемого рассказа: Илья тяжело ранен, после боя «несется в грузовике, доверху груженном ранеными, а через минуту их накроют огнем засады. И тогда он окончательно забудет, как его зовут» [16, с. 314]. Однако читатели не забудут о нём, ведь это произведение – протест против войны и её ужасов, свидетелем которых не раз был Сергей Шаргунов во время своих журналистских поездок в Украину. «Свои» – и для автора, и для читателей – те, кто живёт в благодарной памяти потомков.

С. Шаргунов всех нас подводит к итогу: конечно, мир не идеален, в нём есть и «не свои» – жестокие, хитрые, самовлюблённые люди. Такие образы тоже встречаются на страницах сборника «Свои», но они неизменно отодвигаются на второй план повествования, поскольку писатель-современник сосредоточен на образах тех, для кого истинная ценность семьи, правды и добра в любые времена сохраняет свою неизменность. Вот они, знакомые и незнакомые, дороги каждому: они – «наши», точнее – «свои»!

Литература

1. Довлатов С. Наши. СПб.: Азбука, 2015.
2. Корякин О. Как создавалась система опознавания «свой-чужой» // Российская газета. 02.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/04/02/parol-site.html> (дата обращения: 11.05.2019).
3. Кричевская Л.И. Портрет героя. М.: АО «Аспект-пресс»: АО «Астра семь», 1994.
4. Курицын В.Н. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000.
5. Кучина Т.Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI в.: первоначальные повествовательные формы: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2008.
6. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. 1950-е–1990-е годы: в 2-х т. Т. 2. М.: АCADEMA, 2003.
7. Личности Санкт-Петербурга: Невзоров Александр Глебович. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ceo.spb.ru/rus/press/nevzorov.a.g/index.shtml> (дата обращения: 09.12.2018).
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., допол. М.: Азбуковник, 1999.
9. Первалова С.В. Традиции русской классики XIX и XX веков в рассказе В.С. Маканина «Кавказский пленный» // Русская словесность. 2012. № 4. С. 23–27.
10. Пустовая В. Пораженцы и преображенцы // Октябрь. 2005. № 5. С. 153–164.
11. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. 2 изд., доп. СПб.: Нев. простор, 2002.
12. Славникова О. К кому едет ревизор? Проза «поколения next» // Новый мир. 2002. № 12. С. 171–176.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, Наука, 2011.
14. Тришин В.Н. Наш // Словарь синонимов. ASIS. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-200-5.htm#zag-97664> (дата обращения: 08.05.2019).
15. Шаргунов С. Отрицание траура // Новый мир. 2001. № 12. С. 180–184.
16. Шаргунов С.А. Свои: повесть, рассказы. М.: Изд-во АСТ, 2018.
17. Шацкая М.Ф. Взаимодействие лексической и синтаксической семантики в русском художественном тексте: межуровневые контакты и механизмы аномальных трансформаций при порождении языковой игры: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010.
18. Якимович А. О лучах просвещения и других световых явлениях // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 241–248.

DARIYA POPOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

“OURS” BY S. DOVLATOVA AND “MY PEOPLE” BY S. SHARGUNOV: THE AUTHORS’ DIALOGUE

The modern Russian writer S.A. Shargunov, whose prose is developing in the context of the “new” realism in the first years of the XXI century following the literary traditions of the predecessors, actively renews them allowing the cooperation with the creative heritage of the authors of the post-modern direction in the organization of its narration.

Key words: *author’s attitude, work’s title, post-modernism, “new” realism, I-narration, language game.*